

Н. Ц. МАНДЖИЕВ

“СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ” И НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА КАЛМЫКОВ

Данная конференция “Наследие Омеляна Прицака и современные гуманитарные науки” позволила взглянуть шире на традиционные проблемы глобализации в гуманитарной сфере, что придает уверенности в возможности успешного их решения. Свидетельством тому является наше евразийское прошлое.

Известно, что любой этнос имеет сходные черты с окружающими его этносами. Причины сходства могут быть обусловлены генетическими, типологическими факторами. На долгом пути истории тот или иной народ вступает в разнообразные связи с другими народами. Это могут быть культурные, экономические, военные и другие отношения, в результате которых происходит взаимообогащение народов. Здесь следует учитывать и тот факт, что даже при завоевании одного народа другим влияние их друг на друга весьма ощутимо. Из-за отсутствия письменных источников порой трудно установить эти контакты.

Первым письменным памятником монголов считается “Сокровенное сказание”, датируемое XIII веком, хотя древние сведения о народе сохранились в китайских и других источниках. Монголоязычные народы сяньби, кидани существовали в начале I-го тыс. К монголоязычным народам причисляют также и гуннов. Величайший памятник письменности Древней Руси XI в. “Слово о полку Игореве”, подлинность которого не вызывает сомнений, о чем свидетельствует и труд А. А. Зализняка [1], позволяет нам увидеть национальную картину мира другого народа, монгольского. Каким же образом это происходит? Как это ни парадоксально, языковая картина древних славян отразила лексику

кочевников. В нашей статье мы обращаемся к калмыцкому (ойратско-му) языку, одному из группы монгольских языков. Лексика памятника древнерусской литературы дает нам возможность познать, насколько были близки монгольские народы, как были схожи родственные языки. И одновременно мы видим, как близки ойрат-монгольский и тюркские языки. Между тюрками, монголами и славянами шел опосредованный культурный контакт. В этом можно убедиться, ознакомившись с книгой О. Сулейменова [4]. В наши же задачи не входит сравнительный анализ указанных восточных языков — это тема отдельного исследования. В тоже время автор в своей статье не ссылается на работы специалистов по рассматриваемым вопросам, поскольку они хорошо известны коллегам.

С древнейших времен кочевники, словно волны, накатывались с Востока. Назад они не возвращались. Оказавшись в Европе, кочевники дали новую жизнь европейским этносам, приняли участие в формировании новых народов, новых государственных образований. Об этом свидетельствует история гуннов, угуров, обров, булгар и т. д., оставивших свой след в языке многих народов. В самих же языках кочевников остались слова, свидетельствующие о связях с древнейшими государствами. В европейских языках мы наблюдаем, например, такие сочетания, как **-ар**, входящие в состав слов многих языков, или суффикс деятеля **-эр**. Как составная часть слова, сочетания **-ар**, **-эр** встречаются и в арабских, и в тюркских языках. В калмыцком (ойрат-монгольском) языке суффикс предстает полноценным словом, означает мужской пол, мужчину, самца. Обилие совпадений в немецком, скандинавских, венгерском, славянских, индо-иранском, монгольском и других языках исследователи объясняют общим, индоевропейским, происхождением. В монгольском, в калмыцком языках слово *ар* означает “север”. Известно, что немцы (это название дали русские), так называемые германцы, аламанцы, именуют себя *дойч* (*дейч*, *дойти*). Существующее в ойратском языке слово *дайчи*, которое в современном калмыцком языке произносится как *дайчи*, сохранилось в имени калмыцкого хана Дайчина — так называют воинов. Не сохранилось ли данное слово также и в названии народа, предки которого прошли по Великой степи?

Автор книги “Следы на Эльбрусе” И. М. Мизиев пишет, что народам, обитавшим на огромных пространствах евразийских степей, нельзя было миновать Кавказ, нельзя было его не заметить, хотя бы потому, что он представлял естественную преграду на пути бесконечных миграций племен из Азии в Европу [2]. В кавказских горах оседали

воины Великой степи, создавая свои государства. Отзвуки былых времен запечатлелись в легенде о Прометее, языке горцев — азербайджанцев, балкарцев, карачаевцев, кумыков, ногайцев, осетин, в сказаниях о нартах — эпосе кавказских народов, название которых созвучно монгольскому слову *нарн* — “солнце”, в адыгейском календаре и т. д. О причинах, вызывавших переселение народов, писал в своих известных работах Л. Н. Гумилев. Великая степь, растянувшаяся на тысячи километров, находилась в окружении разных ландшафтов: лесов, гор, рек. Некоторые сообщества степняков, словно ручейки, растекались от главного русла, оседая в облюбованных ими местах, как ветви могучего дерева, тянулись к неведомым народам или бросали семена на необжитой земле, из которых, словно ростки, появлялись на свет новые народы. В языке чувашей, удмуртов, коми, татар и других поволжских народов мы также найдем родственные монголам слова.

Но есть одно исключение в этих перемещениях: только монголы вернулись на историческую родину, оставляя в чужих землях соплеменников, которые со временем забыли о своем происхождении. Последней миграцией, великим переселением, стала перекочевка калмыцкого (ойратского) народа в конце XVI — первой четверти XVII вв. Затем часть калмыков вернулась в Джунгарию. Две державы — Россия и Китай, занявшие центральное место в Европе и Азии, закрыли с обоих концов переселение народов в Великой степи. Приходило другое время.

Но в XI в. Киевская Русь находилась едва ли не в центре Великой степи, распростершейся от Тихого до Атлантического океана. Караванные пути, пролегающие через древний Киев, сделали его важным торговым центром. Город стал праматерью земель восточных славян. Оказавшись в центре бурной жизни Великой степи, Киев вступал в тесные контакты с ее обитателями, становясь частью этого необъятного Пространства. В научной литературе подробно рассмотрены связи древних русичей с кочевниками. Народ Южной Руси осваивал язык, обычаи соседей, вступал с ними в родственные связи. Эти контакты отразились в “Слове о полку Игореве”.

Само название Киева отразило в себе значение поселения, со временем ставшего центром древнерусского государства, а ныне одного из красивейших славянских столиц. В калмыцком языке слово *ки* означает “дыхание, жизнь, живое”: *тенгрин ки* — “дыхание неба” (так называют грибы); *агар киилх* — “дышать воздухом (полной грудью)”. Следует обратить внимание на первое слово *агар*, которое совпадает с греческим словом, означающим “небо, воздух, воздушное пространство”, в

русском языке существуют такие слова, как “аэропорт”, “аэродром”, “аэродинамика”, “аэросъемка” и т. д. У калмыков есть выражение *ки-иснь акж, кёльнь шоратж*, оно употребляется в таком жанре фольклора, как *йорел* — благопожелание. Смысл выражения заключается в пожелании, чтобы у новорожденного (в буквальном смысле) быстрее подсохла обрезанная пуповина и быстрее окрепли ноги, т. е. ребенок быстрее рос, был здоровым и крепким. В английском языке слово превратилось в свою противоположность: обозначает смерть, убийцу — *kill, killer*. Однако в английском языке слово *kin* означает “род, семья; родственники”. В немецком языке слово сохранило свой жизненный смысл, войдя в состав слова: ребенка называют *kinder*.

Картина мира номада-монгола в “Слове о полку Игореве” воссоздается в лексике, касающейся перечня родов половцев, в верованиях степняков, в воинской атрибутике, именах. Половецкие рода рассматриваются или упоминаются во многих работах, посвященных памятнику. Калмыцкие этнонимы рассмотрела Л. Б. Олядыкова [3]. Однако особое внимание привлекает книга ученого-биолога Г. В. Сумарукова “Кто есть кто в “Слове о полку Игореве” [5]. Автор работы, великолепно знающий животный мир, предложил оригинальную идею. Он увидел в названиях животных, птиц те или иные тотемы половцев, за которыми скрывались рода половцев. Обращение к калмыцким этнонимам также позволяет выделить группу наименований, которые являются тотемами. Здесь следует заметить, что классификация этнонимов дает возможность установить некоторые этапы исторического развития или формирования народа. Например, калмыцкие этнонимы образованы от числительных: *гурбуд, дорбуд, таванхин, найман* и т. д. — “трое”, “четверо”, “пятеро”, “восьмеро” и т. д. Возможно, такая счетная идентификация сообщества была вызвана особенностями военно-кочевого государства. Среди этнонимов есть и такие названия, которые отражают цвета флагов, знамен (*мани, туг*) субэтнических групп: *харнуд* (черные), *шарнуд* (желтые), *кюрнгюд* (коричневые) и другие. Первоначально все эти субэтнические группы составляли воинские подразделения, и их названия не содержали в себе родовые признаки. В военно-кочевом государстве, тем более в период правления Чингис-хана, основной общественной единицей в монгольском государстве были не родовые признаки, а воинские. Армия Великого Потрясателя Поднебесной состояла из десятков, сотен, тысяч и тьмы (*тюменя*) — 10-ти тысяч всадников. Первоначальная войсковая единица состояла из десятка (*арвана*). Женщины-калмычки старшего поколения мальчика называют не *кёбюн*, а *арет*, в самом табу, характер-

ном для некоторых народов, в том числе и калмыцкого, отразилась будущая судьба мужчины-воина. При родителях оставался младший сын — *отхон*, *отчигин* — “хранитель огня, очага”. В случае необходимости в воинских походах он имел при себе отличительный знак. Эту традицию унаследовали казаки.

Безусловно, древнейшими среди этнонимов являются названия, связанные с тотемами. Такими тотемами выступали различные звери, птицы, которые были представлены благородными видами животных, а ими были волк — *чоно* и олень — *бузу*, позже, в связи с переменной территории проживания, на которой не было оленей, слово стали произносить как *бух* — произошло отождествление с туром, быком. Но среди калмыцких этнонимов не встречаются названия, связанные со змеями. О половецком владельце (такое определение применялось к калмыцким нойонам и зайсангам, владевшим улусами и аймаками — кочевьями) Бурновиче, нашедшем отражение в памятнике, пишут Г. В. Сумаруков и О. Сулейменов [4]. В калмыцком языке сохранилось еще одно название волка — *бури*. Оно выражено в фамилиях Бурнинов, Буринов. Следует заметить, что волк был особо священным животным, поэтому его название кодировалось. Калмыки волка звали и *бельтриг* — слово сохранилось в калмыцком именослове. Г. В. Сумаруков определил одиннадцать половецких родов, которые отражают названия животных. Однако, приняв непонятное слово *зегзица* за название половецкого рода, он далее не включил *зегзиц* в составленный им перечень. К данным родам ученый нашел владельцев. Их тоже одиннадцать: Кончак, Кза (Гзак), Бурнович, Токсобич, Колобич, Етебич и Тотробич. А также Елдечук, Чилбук, Роман Кзич, Коптя. В калмыцком языке едва ли не все имена сохранились в архивных документах XVII — начала XX вв. или в фамилиях, так как изменился современный калмыцкий именослов. В документах мы найдем такие имена, как *Токса*, *Елденг*, *Йот*, *Тер(л)тр*. Среди калмыков мы встретим людей, носящих фамилии *Кончиев*, *Бурнинов*, *Бурнаев*.

Г. В. Сумаруков эпизоду с телегами, “кричащими” в полночь (одно из “темных мест” в “Слове о полку Игореве”), дает оригинальное объяснение. Оно соответствует образу жизни кочевников. Телега в жизни монголов имела огромное значение, она использовалась не только как хозяйственное средство. Известно, что монголы в сражениях воздвигали из телег укрепления. На телегах располагались юрты ханов, нойонов, позже, в связи с распространением буддизма, на телегах размещались хурулы (буддийские церкви). Однако если следовать логике Г. В. Сумарукова, здесь уместно толковать слово “телеги” в зна-

чении этнонима-тотема. Существует ойрат-монгольское слово *тёдег* — так называют годовалого ягненка. Известно, что кочевники, занимаясь скотоводством, детально разработали лексику, связанную с животным миром. Подробно разработана лексика, касающаяся биологических особенностей животного: возраста, масти, структуры, строения и т. д. Скотоводы, например, отличали годовалого ягненка от овец разного возраста. Среди калмыцких этнических наименований встречается этноним *саксг*, который обозначает шестимесячного ягненка. Согласно предложенной Сумаруковым методике, ягнята (*телеги*), выступающие тотемом, т. е. этнонимом рода, вполне могли кричать.

Еще один половецкий этноним — слово *шелберы*. Некоторые авторы склонны видеть в этом слове название Шумера и Сибири [4, 255–262], однако мы склоняемся к версии, которую выдвинула Л. Б. Олядыкова [3, 41]. В развитие ее гипотезы приведем дополнительные примеры из калмыцкого языка. Половецкий этноним *шелбер* в калмыцком языке означает “арапник, кнут, бич”. В заяпандитской (ойрат-калмыцкой) письменности “Тодо бичиг” (Зая-Пандита — автор алфавита ойратов и калмыков) звук [в] передавался знаком (буквой) “б”. В современном языке калмыков слово произносится *шилв(у)р*. Когда человек сильно худеет, калмыки говорят *шилвур адл нярдх* — букв. “истончился как кнут”. У степняков существовало большое разнообразие этого инструмента: кнут в различных формах употреблялся как оружие, как орудие охоты, как инструмент пастухов и т. д. Очевидно, *шилвуром* били по ногам. У калмыков говорят *шилврдх*, что означает “бить (стегать), хлестать”. О том, что одна из функций этого орудия заключалась именно в этом, говорит еще одно слово в калмыцком языке — *шилв* (голень). В калмыцкой песне поется о девушке, надевшей новое красивое платье, которое струится по ее голени. Несомненно, эти два слова связаны между собой. В языке калмыков существует еще одно слово, обозначающее “голень”, — *шиир*. Однако его употребляют в отношении животных. Только в собирательном значении оно используется для обозначения части ноги человека. Многие калмыцкие этнонимы связаны с антропологическим строением человека. Сохранились такие этнонимы, как *бульчин* (мышца), *голгуд* (аорта), *бексюд* (спина) и т. д. Калмыки называют Сибирь — *Шивр*, что означает “болотистое место”.

В “Слове” встречаются и еще слова (не только этнонимы), объяснимые с точки зрения ойрат-монгольского (калмыцкого) языка, и, соответственно, способствующие эксплицитному воссозданию картины

мира калмыков. Однако, исходя из требуемых объемов статьи, мы не можем останавливаться на их детальном анализе.

Принято считать, что *тарханные грамоты* появились со времен Чингис-хана. Однако повесть свидетельствует о существовании тарханных грамот в дочингисовскую эпоху. До второй половины XIX в. в Калмыцкой степи все еще исполняли свои обязанности *тарханы* — *дархачи* или *дарги* — начальники. В таком значении сохранилось слово, обозначающее должностное лицо. В языке сохранилось также слово *зарлг* (указ), переводимое с монгольского как “ярлык”, по которому наделяли каким-либо правом. Слово *тархан* запечатлелось навеки в родовом имени Тургеневых, фамилия которых произошла от монгольского слова *турген* (быстрый). Но в калмыцком языке слово *тург* — *тюрк* означает “высокий, рослый, сильный”. В турецком языке оно предстает в имени бывшего премьер-министра Тургута Озала.

В своей статье мы коснулись лишь некоторых картин жизни степного народа, которые можно реконструировать при обращении к “Слову о полку Игореве”.

Мировая общественность вступает в новую эпоху. Глобализация требует от человеческого сообщества гуманности и толерантности. Это ответственная пора в истории цивилизации. И особая роль в этом процессе отводится гуманитарным наукам, которые обращаются к сакральным чувствам человека. Сложившаяся наука о “Слове о полку Игореве” дает нам примеры благородства, уважения к культуре разных народов. Возвращаясь к прошлому, запечатленному в одном из выдающихся памятников человечества, мы берем огонь жизни, не давая погаснуть ему на протяжении тысячелетий. Это залог взаимопонимания, диалога культур народов, у которых общая Родина — Земля и общая судьба: сохранять жизнь на земле, на которой родился ты и жили твои великие предки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зализняк А. А. “Слово о полку Игореве”: взгляд лингвиста. — 2-е изд., доп. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007.
2. Мизиев И. М. Следы на Эльбрусе. — Ставрополь, 2000. — С. 7–14.
3. Олядыкова Л. Б. Лексика монгольского происхождения в древнерусской письменности до XIII в. (на материале “Слова о полку Игореве” и других памятников). — Элиста, 1990.
4. Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. — Алма-Ата: Жазушы, 1975.
5. Сумаруков Г. В. Кто есть кто в “Слове о полку Игореве”. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.